

3. Л.

Давайте тогда про большую любовь,
Про белые серьги и тонкую бровь,
Про разные ахи и охи,
Бессовестной нашей эпохи.

Уже и не помню (проклятый склероз)
Ни улицы нашей, ни клумбы, ни роз,
Ни вашей зелёной калитки,
С цветочками как на открытке

Из детства. А всё же, кляня пустоту,
Я помню, как медленно сохло во рту,
Как длились часы ожидания
И как не хватало дыханья

Стеснённому сердцу, когда в тишине
Скрипела калитка и, словно во сне,
Она выходила оттуда,
Как свежая песня, как чудо.

Летела эпоха на крыльях войны,
Ломая границы огромной страны,
Но белые серьги сияли...
И тонкие брови летали...

И жизнь утверждалась надеждой одной:
Я буду с тобою, ты будешь со мной,
Как солнце, что светит оттуда,
Как свежая песня, как чудо.

И хлынула, взметённая безжалостной судьбой,
Всё дальше от расколотого дна,
Как встарь к Константинополю за дедовской арбой,
На берега Атлантики чеченская волна.

Ах, эти волны буйные, кто станет их считать,
Сойдёт с ума под звёздным небосклоном...
Теперь уже не Турция—Европа наша мать
От Вены до туманов Альбиона.

И пусть давно остывшие погасли очаги
И обвалились кровли отчих башен,
Сидит в кафе прокуренном месье из Атаги,
И лик его нисколько не страшен.

В Германии и в Дании, в Голландии и там,
Где быстрый Тибр берёт своё начало,
Бродяга-ветер воеет и тоскует по ночам
И волны бьются в поисках причала.

Ах, эти волны буйные, когда ж они опять
Исполнятся любви и силы жизни
И, чистые, по-прежнему отхлынут дерзко вспять,
К покинутому берегу отчизны?

Надежды наши светлые бессмертны, а пока
Томит нас ностальгическая смута.
Над Триумфальной аркой проплывают облака,
Такие же, как в небе над Бамутом.